

Ю.П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: ЯСК, 2007. 702 с.

Монография Ю.П. Князева «Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе» представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, в ней детально рассматривается теория грамматического значения, признаки, позволяющие отличить грамматическое значение от неграмматического и др. (этой проблематике посвящена глава 1). С другой стороны, в книге предложено описание нескольких областей грамматики русского языка: степеней сравнения, средств выражения рефлексива и реципрока, глагольных категорий вида и времени, конструкций с *-н/-т-* причастиями, причем русские данные рассматриваются не изолированно, как часто

бывает в русистике, а в общетипологической и общетеоретической перспективе.

В главе 1 анализируются общие проблемы, связанные с грамматическим значением. Автор отмечает, что граница между грамматическим и лексическим значениями разными учеными проводится по-разному: в частности, один из возможных подходов – различать «внешний» (слабограмматикализованный) и «внутренний» (полностью грамматикализованный) слои грамматики. Если внутренний слой составляют явно грамматические единицы, то внешний слой грамматики отличается от лексики тем, что включает служебные единицы.

Далее автор отмечает, что внешний слой грамматики универсален, а внутренний – нет (не во всех языках существуют морфологические грамматические категории).

Достоинством первой части книги является внимание автора к связи между семантическими свойствами значений и синтаксическими признаками – собственно, вслед за А.М. Пешковским и С.Е. Яхонтовым, Ю.П. Князев считает «синтактизацию» единицы, ее использование для выражения синтаксических связей одним из проявлений выветривания смысла грамматической единицы и ее перехода в разряд единиц словоизменительных (так, в языках типа современного китайского, в которых отсутствует каноническое словоизменение, формы слова не могут выражать синтаксические категории – тем самым, синтаксические категории в каком-то смысле являются ядром словоизменительных значений).

Особым образом рассматривается признак обязательности, часто считающийся ключевым свойством грамматических значений. Однако автор не ограничивается одним свойством – он различает категориальную, сильную обязательность, при которой значение обязательно выражается при употреблении данной категории слов, и семантическую, слабую, при которой данное значение обязательно выражается в определенном семантическом контексте. На наш взгляд, это различие весьма полезно – оно показывает, что обязательность – скорее градуальное свойство, что хорошо укладывается в рамки современной теории грамматикализации, в которой сама принадлежность к классу грамматических показателей – градуальное свойство, к такому выводу приходит и автор.

С другой стороны, Ю.П. Князев сопоставляет свойство обязательности с внутренней неоднородностью грамматической категории (если категория обязательна, то, по мнению В.А. Плунгяна, она семантически неоднородна, поскольку не ко всем элементам применима в строго одинаковом виде [Плунгян 2000]). Ю.П. Князев отмечает, что непосредственно из свойства обязательности не следует необходимость наличия у каждого элемента класса «всех значений» категории¹.

Затем автор иллюстрирует высказанные предположения на примере категорий лица и

реальности / ирреальности. Первая категория в русском языке грамматикализована в полной мере, но некоторые ее значения (например, 2-е лицо) имеют обобщенные употребления, не противопоставленные в полной мере другим лицам. Вторая, как правило, не грамматикализуется в языках в полном смысле слова, но связана с собственно грамматическими категориями, такими как вид и время.

Наконец, в заключительной части автор рассматривает процесс деграмматикализации как вектор эволюции русского языка. Во многих работах говорится об уменьшении в современном русском роли флексии и увеличении роли аналитических образований. Достоинство анализа в данной работе состоит в том, что автор последовательно приводит и сопоставляет различные аргументы в пользу этой точки зрения: отсутствие словоизменения по лицам и числам в л-причастиях и предикатах *есть* и *нет*; сокращение фузии, характерной для флективных языков (устранение результатов второй палатализации); рост числа гибридных разрядных слов, например, утрата форм повелительного наклонения 1-го лица и их совпадение с формами изъявительного наклонения, совмещение в словах типа *много* характеристик различных частей речи; широкое использование в синтаксисе нулевых предикатов, эллипсиса глагола и других нулевых элементов. При этом автор, вслед за Д. Вайсом [Weiss 1993: 80], приходит к выводу, что для современного русского языка опрометчиво говорить об аналитизме, так как основным процессом в русском языке является «ослабление эксплицитно выраженных синтаксических связей» [Акимова 1998: 89–93]. Ближайшим типологическим аналогом возникающих структур предлагается считать не аналитические, а *и з о л и р у ю щ и е* языки: в отличие от аналитических языков, где грамматические значения выражаются обязательно, но часто это происходит вне словоформы, в изолирующих языках выражение граммем вообще необязательно.

Глава 2 посвящена анализу категории степени сравнения прилагательного. В самом начале автор рассматривает вопрос о том, можно ли включать в число ее значений положительную степень (в работах ряда авторов, например, А.М. Пешковского, такая возможность отрицается, поскольку считается, что положительная степень выражает абсолютное значение признака, не соотнося его с другими значениями). Автор убедительно показывает, что это не так: словосочетания типа *высокий дом*, *низенький человек* и др. нельзя интерпретировать без отсылки к другим аналогичным предметам – домам или людям. Тем самым, положительная степень часто обозначает положение предмета

¹ На наш взгляд, здесь было бы полезно еще одно противопоставление: собственно категориальная обязательность (обязательность хотя бы одного значения категории) vs. обязательность значения (обязательность всех значений), которые различаются, так сказать, кванторами общности и существования.

на шкале именно относительно некоторых других аналогичных предметов².

Далее отдельно анализируется каждая из степеней сравнения. Автор удачно сочетает семантический анализ, разграничивая такие классы прилагательных, как параметрические прилагательные, прилагательные цвета и др., и тонкие синтаксические наблюдения. Последнее особенно важно потому, что степени сравнения прилагательных причисляются, как правило, к семантическим, а не к синтаксическим категориям, и даже очевидные синтаксические свойства не приводятся в описаниях в полном виде. В частности, автор отмечает разницу между собственно формами сравнительной степени (*меньше*) и формами с приставкой *по-* (*поменьше*): вторые, в отличие от первых, могут выступать в атрибутивной позиции: *Наш дом (по)ниже вашего; Маша живет в доме пониже / *ниже*.

Ю.П. Князев выделяет три компонента операции сравнения: сравниваемый предмет, стандарт сравнения и аспект сравнения (признак, по которому проводится сравнение). Это позволяет ему ввести различие между эксплицитным и имплицитным сравнением: в первом случае стандарт сравнения явно выражен в синтаксической конструкции, во втором в качестве стандарта выступают, по выражению автора, «обобщенные “нормы”» (с. 186), которые в тексте не выражаются³. Весьма важно, что это различие применяется и к положительной степени – впрочем, на наш взгляд, автор не совсем точен, причисляя конструкции типа *недалеко от рынка, три остановки* к эксплицитному сравнению. Здесь добавление *три остановки* не вводит стандарт сравнения, а дополнительно характеризует сам сравниваемый объект.

² Автор отмечает, что сравнительная степень может образовываться только от наречий и прилагательных, поскольку они обозначают признаки, а именно признаки могут изменяться по степеням. При этом в разговорной речи отмечены окказиональные образования сравнительной степени от существительных: *жизнее* ‘более жизненный’. Впрочем, на наш взгляд, не совсем верно причислять к таким образованиям типа *быть более роялистом* – они отмечены и в архаичных употреблениях и близки к конструкциям типа *он более актер, чем писатель*, где *более* выступает в значении ‘в большей степени’.

³ Однако автор не упоминает о различии между двумя пониманиями конструкций типа *Дай мне нож поострее* (i. ‘как можно более острый, поострее, чем норма’; ii. ‘поострее, чем нож, которым я пользовался до этого’). Возможно, данное различие также может быть релевантным.

Различаются такие классы прилагательных, как параметрические, оценочные, прилагательные цвета и прилагательные необладания признаком. В каждой из выделяемых групп имплицитное сравнение имеет особые свойства: так, параметрические прилагательные (*теплый, высокий*) в качестве нормы используют представление о том, насколько в среднем проявляется у такого рода объектов данный признак, с другой стороны, у прилагательных качества оценка качества как высокого отделяет предметы, находящиеся очень высоко на шкале, от всех остальных. Дополнительно упоминаются вспомогательные способы квантификации признака: адverbиальные показатели типа *довольно*, словообразовательные разряды прилагательных на *-еньк, -ущ* и т. д.

Среди форм сравнительной степени, как было отмечено выше, выделяются формы без префикса (*больше*) и с префиксом (*побольше*), фиксируются их синтаксические различия и аналитические формы типа *более красивый*. При этом автор считает, что конструкции типа *менее красивый* и *более красивый* должны рассматриваться как аналогичные, хотя нередко конструкция с *более* считается одной из форм сравнительной степени, а с *менее* – как полусвободное сочетание.

Существенно, что автор, наряду с синтаксическими, различает семантические типы сравнения, используя аппарат современной лексической и грамматической семантики. Так, важное различие, проводимое автором, – кореферентные конструкции сравнения, в рамках которых сравниваются состояния одного объекта в разные моменты времени (*Вася стал толще*), и некорреферентные, сопоставляющие различные предметы (*он придумал лучший способ* = ‘лучше, чем другие’). Интересно также рассмотрение референциального статуса актантов (особенно сильно различается статус объекта сравнения). Эти признаки тем более важны, что их можно применить и по отношению к другим единицам со значением сравнения – например, к сравнительным конструкциям с элементами *как* и *похож на*. Так, конструкция с *как* обычно задействует неререферентный стандарт сравнения: устойчивые выражения типа *глуп как осел* подразумевают сравнения с любым ослом.

Подробно рассматривается так же и превосходная степень. Выделяются аналитические формы (*самый простой*), префиксальные (*наименьший*) и беспрефиксные синтетические формы (*редчайший*). При этом ценны и диахронические замечания: автор отмечает, что до середины позапрошлого века формы синтетической превосходной степени свободно сочетались с показателем *самый*. В применении к превосходной степени автор также различает

коррелятивный и некоррелятивный типы сравнения.

Ю.П. Князев отмечает функциональную близость превосходной и сравнительной степеней. Превосходная степень фактически является специальным подтипом сравнительной со значением 'А входит во множество В и превосходит всех входящих в него объектов'. Однако автор говорит и о различии: если для превосходной степени *самый лучший* и т. п. объект существует обязательно, то для сравнительной степени существование объекта сравнения не обязательно (ср. пример *нет гор, красивее этих* – с. 229).

Как и в других главах, в гл. 2 большую ценность представляет часть, в которой грамматические явления сопоставляются с лексическими: автор называет прилагательные типа *крайний, последний* и т. д. лексическими суперлативами, поскольку они обозначают крайние точки на некоторой шкале. Ранее лексические аналоги грамматических конструкций сравнения в литературе не выделялись. Наконец, в заключительной части фиксируются семантические соотношения между степенями сравнения. Так, если положительная степень параметрических прилагательных типа *высокий* подразумевает близость к одному из полюсов шкалы, то сравнительная степень этого не подразумевает: *более высокий шкаф* может, тем не менее, не быть слишком высоким.

В заключительном разделе данной главы автор намечает еще более широкую перспективу дальнейших исследований. Он сопоставляет отношение между положительной и сравнительной степенью с отношением между дейксисом и анафорой: положительная степень, как и дейксис, фиксирует оценку объекта с отсылкой к пространству говорящего, сравнительная степень связана с отсылкой к другому объекту.

В главе 3 обсуждается выражение в русском языке взаимности и возвратности. При этом немаловажно, что автор строит свой анализ исходя не из конкретных способов выражения, а из взаимного и возвратного значений. Это существенно потому, что в русском языке возвратность и особенно взаимность выражаются значительным количеством средств разной природы – от собственно грамматического показателя *-ся*, относящегося, в терминах Ю.П. Князева, к «внутреннему» слою грамматики, до местоимений *друг друга, один другого*, прилагательных *взаимный* и *обоюдный*, наречий *взаимно* и *обоюдно*, которые вообще нельзя считать грамматическими показателями.

В самом начале главы намечена общая стратегия анализа: различаются «легкие» (неавтономные и сильно грамматикализованные) показатели типа *-ся* и «тяжелые» типа *себя*.

Отмечается высокая степень многозначности «легких» показателей. Стоит отметить, что автор не фиксирует внимание только на собственно возвратных дериватах типа *одеться, умыться*, а предпринимает попытку рассмотреть вместе и связать между собой различные значения возвратных показателей: пассивное (*дом строится*), декаузативное (*чашка разбилась*) и др.

Среди собственно рефлексивных дериватов выделяются «аккузативные» (такие, где возвратный показатель занимает место прямого дополнения: *одеться*) и «дательные» (такие, в которых показатель возвратности замещает не прямой объект, ср.: болг. *Купих си нови дрехи* 'Я купил себе новую одежду').

Затем автор строит классификацию значений возвратного показателя *ся*. Вслед за Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1962] он подразделяет их на объектные (употребления, в которых возвратный глагол отличается от исходного отсутствием или понижением статуса объекта) и субъектные (такие, в которых понижается в статусе или уничтожается субъект исходного глагола). К первым принадлежит, например, безобъектное употребление, ко вторым – пассивное и декаузативное. На наш взгляд, полезным было бы и другое противопоставление: можно выделить, с одной стороны, употребления *-ся*, полностью элиминирующие актант глагола, а с другой стороны – употребления, только понижающие его статус.

Как нам кажется, весьма ценны замечания автора относительно семантических ролей актантов глагола – как участника, напрямую затронутого рефлексивизацией, так и прочих актантов. Нередко считается, что если актантная деривация или залоговое преобразование не меняет статус актанта, то и его семантическая роль остается прежней (например, подлежащее и в конструкции *Я мою руки*, и в ее рефлексивном корреляте *Я моюсь* является агенсом). Ю.П. Князев убедительно показывает, что это не так: например, в предложении *Он постригся у парикмахера* (ср. *Парикмахер его постриг*) агентивные свойства распределены между субъектом, контролирующим ситуацию, и непрямым объектом, осуществляющим физическое воздействие. В возвратных дериватах типа *пораниться* субъект утрачивает агентивное свойство волитивности, которое может присутствовать у субъекта глагола *поранить* (ср. *Ты нарочно меня поранил!* при бессмысленном **Он нарочно поранился*).

Несколько сомнительно разграничение абсолютных (*корова бодается*) и рефлексивно-посессивных взаимных конструкций (*Автор должен публиковаться*). Автор разграничивает эти конструкции по признаку

наличия (рефлексивно-посессивные) vs. отсутствия (абсолютивные) посессивного отношения между подлежащим и исходным объектом (публиковаться = 'публиковать свои работы'). Возможно, более надежным был бы другой критерий: только абсолютивные, но не рефлексивно-посессивные конструкции недопустимы в совершенном виде. Не совсем понятно также отсутствие в списке значений антипассивного значения с выраженным субъектом типа *Он запасся едой*.

Не менее ценна вторая часть главы, посвященная различным способам выражения реципрока в русском языке. Конечно, при анализе такого широкого круга явлений неизбежно, что описание может иметь обзорный характер, но важна сама по себе попытка поставить в один ряд маркеры взаимности разной природы и степени грамматикализации: глагольные префиксы (*с-*, *раз-*), циркумфиксы (*с-...-ся*, *раз-...-ся*), наречия (*взаимно*, *обоюдно*), возвратный показатель и др. Как правило, в грамматических описаниях в сферу исследования попадают только некоторые из этих средств. Автор убедительно показывает, что несмотря на все формальные различия, все эти средства действительно выражают одно и то же, взаимное значение. С теоретической точки зрения существенна попытка определить реципрокальное значение в соотношении со значением симметричной ситуации, причем Ю.П. Князев опирается здесь как на лингвистические данные, так и на аппарат логики.

Если многие исследователи при анализе употреблений *-ся* ограничиваются списочным подходом, в рассматриваемой работе делается попытка найти инвариант значения возвратного показателя. Ю.П. Князев склоняется к мнению, высказанному С. Кеммер [Kemmer 1993], согласно которому субъект конструкций типа русских возвратных не является ни прототипическим агенсом, ни прототипическим пациенсом и отличается этим как от субъекта, так и от объекта исходного переходного глагола.

Очень интересна сопоставительная часть главы: автор показывает, что внутри довольно небольшой группы славянских языков свойства возвратного показателя и его значения существенно различаются: в одних языках, прежде всего восточнославянских, главными являются пассивное и декаузативное употребления, в других же (западно- и южнославянских) — прежде всего, взаимное и возвратное.

Возможно, единственная лакуна, которую читатель обнаруживает в этой главе — отсутствие синтаксического анализа рассматриваемых единиц. В рамках порождающей грамматики большое внимание уделялось синтаксическим условиям употребления показате-

лей типа *each other* (в частности, замечено, что их антецедентом обычно является подлежащее той же клаузы, в которую они входят). Было бы небезынтересно рассмотреть с той же точки зрения показатели *один другого*, *друг друга* и в особенности менее частотные показатели *взаимно*, *обоюдо-* и др.: нельзя исключать, что между ними имеются и синтаксические, а не только семантические различия. Не рассматриваются в работе сочетания показателей взаимности типа *В день, когда Гагарин полетел в космос, люди на улице целовались друг с другом*; *Частицы взаимоуничтожаются*. Вероятно, анализ таких сочетаний — задача будущих исследований.

Четвертая глава посвящена выражению в русском языке вида и времени. Категория вида в ее соотношении с временными значениями — едва ли не самая обсуждаемая в русистике и славистике грамматическая категория.

В начале главы ставится вопрос о границах категории вида и ее определении. Собственно видовым противопоставлением, ключевым для определения значения русского вида, считается оппозиция «комплетив / инкомплетив», то есть, по определению Дж. Байби и ее соавторов [Bybee, Dahl 1989], оппозиция между ситуацией, достигшей границ / предела, и ситуацией, не дошедшей до предела, развивающейся. При этом достоинство главы заключается прежде всего во внимании автора к перспективе говорящего и ее роли в осмыслении вида: в частности, инкомплетив отождествляется с синхронной точкой отсчета, взглядом говорящего на ситуацию как бы изнутри нее, а комплетив — с ретроспективной. Затем автор вводит различие между сильной комплетивностью (достижением естественного предела, содержащегося в самой ситуации — например, ситуация *свеча горит* имеет предел *свеча догорела*) и слабой комплетивностью (достижением предела, не заложенного в природе ситуации — *свечу задули*). Славянский — и, в частности, русский — совершенный вид в большей мере выражает сильную комплетивность — исключением являются делимитативные глаголы с приставкой *по-* и близкие к ним группы, обозначающие комплетивность слабую.

Пожалуй, ключевым является то, что Ю.П. Князев не считает комплетивное и инкомплетивное значения дополнительно распределенными относительно множества форм глагола, а признает возможность сочетаний комплетивности и инкомплетивности. Так, во фразе *Кто открывал окно?* имеется как значение комплетивности (процесс открытия завершен, то есть подразумевается комплетивность), так и значение инкомплетивности (имеет место состояние 'окно открыто'). В этом смыс-

ле подход, представленный в рассматриваемой монографии, близок к тому, который для типологического изучения вида предложил С.Г. Татевосов: вид рассматривается как характеристика формы, а не глагольной лексемы, и эта характеристика может быть различной для различных форм. Однако подход Ю.П. Князева более широк в том смысле, что учитываются и характеристики форм глагола (различные употребления прошедшего времени), и характеристики словообразовательных моделей (например, делимитативов).

Центральным для второй части главы является значение настоящего времени. Автор показывает, что понятие совпадения с моментом речи, через которое почти повсеместно толкуется эта граммема, проблематично: вряд ли можно говорить о таком совпадении для постоянных или повторяющихся событий или состояний. В результате, отчасти следуя идеям Э. Кошмидера, автор останавливается на идее интратерминальности: по его мнению, настоящее время обозначает, что ситуация имела место до момента речи и будет иметь место после него (в частности, под это определение попадают употребления со значением повторяемости типа *Люди умирают сотнями*). Это позволяет автору сблизить значение настоящего времени со значением имперфекта: обе формы подразумевают положение говорящего «внутри» ситуации, взгляд изнутри.

Третье ключевое для данной главы понятие – результат действия. Рассматриваются различные виды результата: противопоставляются естественный результат, вытекающий из семантики ситуации, и косвенный результат, отстоящий от самого развертывания ситуации дальше и не вытекающий из ее семантики напрямую. В частности, для общефактического значения несовершенного вида характерен акцент на косвенном результате. Предложение *Кто открывал окно* может употребляться, если в комнате холодно (косвенный результат открытия окна), но не в том случае, когда окно открыто (непосредственный результат). Далее автор детально анализирует особенности различных видо-временных форм предикатов речи в связи с видом и результативностью. Данная часть интересна тем, что понятие результативности конкретизируется в применении к конкретной группе предикатов. Это можно считать общим достоинством книги: автор не только вводит и анализирует общие понятия грамматики, но и показывает, что их применение к узким лексическим классам дает весьма различные результаты: тем самым монография сочетает в себе грамматический и лексический подходы.

В той же части рассматривается конструкция с частицей *было*. Эта часть особенно важ-

на, поскольку данные конструкции широко представлены в недавних лингвистических исследованиях.

Затем рассматриваются стательность и мультипликативность как характеристики глаголов. Их анализ не столь подробен, но важно отметить, что и в части, посвященной стательности, показывается неоднородность данного понятия: стативы классифицируются в зависимости от степени изменчивости состояния.

Наконец, две последние части существенны для расширения перспективы исследования. Первая из них посвящена усвоению категорий вида и времени детьми; вторая – употреблению вида и времени у Пушкина и Чехова. Последнее особенно важно в связи с проявившейся в недавних работах тенденцией рассматривать вид как дискурсивную категорию, зависимую от широкого контекста употребления и иллокутивного намерения автора. Автор показывает, что для Чехова, в частности, характерно широкое употребление в повествовании имперфективных форм. У Пушкина формы совершенного вида выражают динамичность действия, тогда как несовершенный вид скорее употребляется для обозначения одновременных друг с другом состояний или процессов.

Наконец, в последней главе анализируются русские причастия на *-и* / *-т*. Их отличительным свойством является то, что они могут выражать либо саму завершенную ситуацию (комплетив), либо являющееся ее результатом состояние (вторичный инкомплетив). Так, в примере *Дверь тут же была открыта* причастие имеет комплетивную интерпретацию, а в примере *Дверь была открыта, через нее были видны комнаты* – инкомплетивную. В частности, автор замечает, что в статальном прочтении причастия имеют ряд свойств, отличающих их от самих глаголов совершенного вида: например, они сочетаются с обстоятельствами длительности (*семь месяцев в году бухта бывает покрыта льдом*). Интересно замечание об ограничении на образование причастий: они обычно не образуются от делимитативов и других глаголов совершенного вида, обозначающих ситуации без внутреннего предела (**книга почитана*, с. 488).

Далее автор более подробно анализирует конструкции с данными причастиями. Весьма важно наблюдение автора, согласно которому причастия на *-и* / *-т* могут обозначать ситуации, относящиеся к любому этапу развития перфектных форм в описании Ю.С. Маслова (состояние, стательный перфект, акциональный перфект, неперфектный претерит). В дальнейшем Ю.П. Князев убедительно показывает, что все разновидности интерпретации

английских форм present perfect охватываются и рассматриваемыми причастиями: ср. результативный перфект (*церковь давно разрушена*), перфект недавнего прошлого (*арестован бывший мэр*), экспериенциальный перфект (*замечено, что в этих странах на зубную боль жалуются меньше*), континуативный перфект (*тема все еще разработана слабо*). В связи с этим неудивительно, что эти причастия сочетаются с самыми разными группами обстоятельств.

Среди особых употреблений перфекта можно отметить посессивный перфект (*У меня белье намочено*): автор выделяет его на том основании, что группа с предлогом *у* обязательно имеет здесь посессивное осмысление ('я намочил белье').

Переходя к синтаксическим особенностям причастий, автор рассматривает связь образования причастий с переходностью. Подчеркивается, что не все переходные глаголы образуют такого рода причастия. Чтобы построить корректное описание, автор использует подход, к которому в описании причастий прибегают отнюдь не всегда: он рассматривает их соотношение с диатезой исходного глагола аналогично тому, как делает это при рассмотрении образования возвратных глаголов. В частности, оказывается, что от переходных глаголов причастия образуются как с объектной интерпретацией (*достигнутый* – тот, которого достигают: ср. *достигнуть цели*), так и с субъектной (*выбранный* – тот, который выбрал себя, ср.: *он сегодня плохо выбран*). Кроме того, и семантическая (залоговая или деривативная) интерпретация причастий различна, ср.: рефлексивное употребление *причесанный* от *причесаться*, декаузативное *сломанный* от *сломаться*, двоякую интерпретацию причастий типа *удивленный* от *удивить* или *удивиться*, рефлексивно-каузативное употребление *записанный* (*в библиотеку*) от *записаться* и др. Тем самым, обнаруживается важная параллель между образованием возвратных глаголов и образованием причастий, хотя, казалось бы, первый процесс является словообразовательным, а второй – чисто словоизменительным.

В заключительной части главы сопоставляются свойства причастий (статальность / акциональность, (не)переходность исходного глагола) в русском и в других славянских языках (польском, болгарском, серболужицком, словацком). В частности, отмечено, что другие славянские языки в большей мере, чем русский, способны образовывать *н*-причастия от непереходных глаголов.

Можно высказать лишь одно пожелание: логическим продолжением главы мог бы служить анализ другого типа русских пассивных прича-

стий, способных, тем не менее, образовываться от непереходных глаголов (ср. *несгораемый шкаф* от *сгорать*, *зависимый* от *зависеть*).

В заключение необходимо сказать, что исследование Ю.П. Князева – во многом уникальная работа, полезная и для русиста, и для слависта, и для типолога. Это связано с несколькими ее достоинствами, которые хотелось бы подчеркнуть. Во-первых, автор сочетает подробный анализ работ середины XX в. и даже более ранних со всесторонним владением современной литературой по теории грамматикализации, синтаксису, типологии вида и залога и т. д.

Тем самым, рецензируемое исследование находится между грамматическими описаниями русского языка в целом и исследованиями отдельных аспектов грамматики. С одной стороны, в книге намечаются общие принципы описания грамматики, не замкнутые внутри отдельных разделов. С другой стороны, как в современных исследованиях типа [Næss 2007] о переходности, [Comrie 1976] о виде, [Aikhenvald 2003] об эвиденциальности и др., крайне подробно описаны отдельные узловые точки грамматики – причем не только внутри одного языка, но и с ориентацией на данные других языков. В частности, материал работы позволяет расширить понимание таких областей языка, как выражение возвратности и взаимности, которое постоянно становится темой новых работ (см., в частности, [Nedjalkov et al. (eds.) 2007]).

Во-вторых, Ю.П. Князев никогда не ограничивается рассмотрением русских примеров, а привлекает данные ряда славянских языков. Тем самым каждое явление получает более объемное осмысление: оказывается, например, что русская система употреблений *-ся* с преобладанием пассива и декаузатива отнюдь не универсальна и, более того, сравнительно редка даже в славянской группе языков. Автор справедливо отмечает в заключении, что частотные в славянских языках конструкции типа *Мне не работается* часто (и неправильно) считаются исключительной принадлежностью русского языка и русской картины мира. В целом монография является первым настолько объемным исследованием русского языка в типологической перспективе.

В-третьих, автор стремится уточнить распространенные в лингвистике теоретические концепты: определение и состав категории степени сравнения, определение грамматического значения и т. д.

Наконец, Ю.П. Князев рассматривает, наряду с собственно грамматическими, и полуграмматические и лексические показатели, а также конструкции в целом. Он не считает показате-

ли типа *взаимно* «второсортными» для лингвиста. Это позволяет ему дать читателю полную картину выражения в языке тех или иных значений, релевантных не только для грамматики, но и для лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова 1998 – Г.Н. Акимова. Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2000.
- Янко-Триницкая 1962 – Н.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

- Aikhenvald 2003 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Cambridge, 2003.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. 1989. V. 13.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. Cambridge, 1976.
- Næss 2007 – Å. Næss. Prototypical transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Nedjalkov et al. (eds.) 2007 – V.P. Nedjalkov, Z. Guentchéva, E.Š. Geniušienė. Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Weiss 1993 – D. Weiss. Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1993. Bd. 53; 1.

А.Б. Летуций